18+

КОГДА РАК на горе свистнул

Мария Якубовская

Книга, которую вы ждали.
Реальная история о борьбе с раком

Мария Якубовская

Когда рак на горе свистнул. Книга, которую вы ждали. Реальная история о борьбе с раком

https://litres.ru/74154049
ISBN 9785007021104

Аннотация

«Когда рак на горе свистнул» — это книга, которая станет опорой и источником вдохновения для тех, кто столкнулся с непростым диагнозом. В этой книге вы найдёте поддержку и чёткие ориентиры. Позитивный настрой, интересные истории и практические советы сделают процесс лечения намного легче.

«Когда рак на горе свистнул» — это ваш проводник на пути к победе над болезнью. Читайте с надеждой, действуйте с уверенностью, идите вперёд с улыбкой.

Содержание

Рецензии 5
Глава 1 7
Верхушка айсберга в океане жизни 7
Глава 2 14
ОНКОЛОГ-и-Я 14
Глава 3 19
Высоковский «Замок» 19
Глава 4 26
Знаки Господни 26
Глава 5 30
Новый поворот 30
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Когда рак на горе свистнул Книга, которую вы ждали. Реальная история о борьбе с раком

Мария Якубовская

© Мария Якубовская, 2026

ISBN 978-5-0070-2110-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рецензии

Книга глубоко затрагивает тему борьбы человека с тяжёлым заболеванием. Автор сумел передать сложную гамму чувств пациента с онкологическим диагнозом без излишней драматизации, но с пронзительной искренностью.

Повесть «Когда рак на горе свистнул» оставляет светлое послевкусие. Главное в ней — не болезнь, а люди: внимательный доктор, мужественная мама, верующие и молящиеся пациенты. Автор показывает, что даже в самых сложных обстоятельствах можно найти силы для надежды и красоты.

Эта книга — не только о болезни, но и о силе духа, о важности человеческих отношений и о том, как искусство может помочь в трудные моменты. Она будет интересна и полезна широкому кругу читателей.

Титов Андрей Геннадьевич — хирург онколог, заведующий «Центра амбулаторной онкологической помощи» Клинской городской больницы Высоковска.

Автор книги «Когда рак на горе свистнул» Мария — тот лучик света и пример пациента, который справился. Онкология не всегда приговор, и с развитием современных методов диагностики и лечения, современной медицине удалось сдвинуть точки в плюс для пациента. Это месяцы, годы це-

лой человеческой жизни. Мы видим историю болезни — сухие факты, а эта книга расскажет историю со стороны пациента и станет увлекательным чтением для всех.

Крашихина Татьяна Валерьевна — химиотерапевт и заведующая отделения химиотерапии «Клиника Лядова» — многопрофильного функционального центра в г. Химки.

Глава 1

Верхушка айсберга в океане жизни

Жизнь иногда преподносит неожиданные сюрпризы, способные изменить всё, перевернув мир с ног на голову, так произошло и со мной. Началась эта история с обычного осмотра врача по женской части. Почему именно этот врач? Да потому что заболел живот, и я испугалась. Чего испугалась? Того же, что и все женщины — дисплазий, кист и разных болезней, а наибольший страх вызывал медицинский термин — рак. Не знаю, думает ли каждая женщина если у неё кольнёт в боку, что это симптом ужасной болезни, но я настолько впечатлительная, что подобные мысли периодически закрадываются в голову. Как говорит моя матушка: «Не думай о плохом и уж тем более не примеряй на себя, ведь мысли могут воплотиться», но я как раз делаю всё наоборот. Хотя сейчас, по прошествии времени, понимаю, что позитивная мысль — это сильнейшая установка, способная избавить от множества ненужных переживаний, которые мы же сами и накручиваем в своём воображении.

У меня была прекрасная работа администратора в центре культуры и спорта, а по выходным — актёрское мастерство в театральной студии, и всё это мне очень нравилось. Главное

слово здесь «была». А почему, вы, наверное, уже догадались, а если нет, то всё узнаете по ходу этой истории.

Новый год маячил впереди, мы с наставницей Ладой дружно готовились к корпоративу: придумывали конкурсы, создавали плейлисты, проверяли аппаратуру, думали над украшением залов и своими нарядами. А у меня на носу была ещё театральная игровая программа с ребятами — учениками, так что работы много, дела кипели! Чудесный год проводить хотелось достойно, тем более это был мой год дракона по восточному календарю. Накатывало волнение, немного побаливал живот, но меня не остановить, я как паровоз на полном ходу, мчалась на бешенной скорости к любимому волшебному празднику — Новому году!

Декабрь — месяц суеты и радостного волнения в предвкушении праздничных дней, подарков, встреч с родными и друзьями. В конце года нужно не только подвести итоги и сделать выводы, но и о здоровье позаботиться.

Обычно чуть что и я бегу к врачу. Три года назад со мной случился апокалипсис в виде экстренной операции. Предательски лопнул яичник, но меня спасли скорая помощь и врачи. «Чуть что» в этот раз затянулось на полгода, живот побаливал немного, но это женские причуды — менструальный цикл, то, сё, в общем, серьёзно ничего не болело и не беспокоило. Полгода назад — летом всё было в порядке, УЗИ и осмотр врача это подтвердили, а я склонна доверять врачам, не зря же они учились столько лет и давали клятву

Гиппократа. Кроме того, мне тридцать шесть лет, здоровье крепкое, разве что предыдущие два года снизился иммунитет, насморк и кашель перетекли в хронический гайморит и бронхит, но антибиотики ведь помогли, а значит ничего страшного, у многих бывает такое, я скинула всё на нервы и недосып.

Но всё-таки между работой и домашними делами записалась к «женскому» врачу, которая, между прочим, три года назад упустила проблему, и я чуть «коньки не отбросила», когда меня увезли на скорой после посещения этого самого врача. «Но выжила же, прооперировали, вырезали яичник вместе с кистой, всё нормально, живём дальше и не вспоминаем плохое, тем более у меня такая хорошая работа и всё отлично, чудесный год дракона — мой любимый!» — успокаивала я себя.

На приёме врач к моему удивлению быстро нащупала что-то неладное и столько вариантов выдала, что я жутко перепугалась и побежала платно делать УЗИ, так как на бесплатное не было талонов.

В кабинете УЗИ сидела солидная женщина — сразу появилось доверие. «Этот врач точно опытный», — подумала я. Она делала УЗИ быстро и чётко и нашла у меня кисту на уже давно вырезанном яичнике, а там, где врач-гинеколог нащупала что-то страшное, она не обнаружила ничего. Я крайне удивилась, ведь искренне верила, что яичник вырезали три года назад и в выписном эпикризе так было написа-

но: «хондрома яичника с удалением придатка». Этот «опытный» врач яростно спорила со мной и сказала, чтобы в следующий раз я принесла ей этот эпикриз. Хорошо, что я решила в следующий раз пойти к другому специалисту, которая оказалась хоть и моложе, но толковее. Она осмотрела меня и на валике, на кресле, и так и сяк — целый час. Я устала, но зато обнаружилась многокамерная опухоль на оставшемся яичнике. Врач дала рекомендацию сходить на МРТ с контрастом и сдать кровь на онкомаркеры. Я никогда не делала таких процедур и очень испугалась, а результаты УЗИ меня шокировали. «Откуда за полгода взялась эта огромная опухоль, да ещё и многокамерная?» — было недоумение.

Работа, дом, семья, я гнала прочь от себя плохие мысли, сдала анализы на онкомаркеры и с затаённым страхом ждала результатов, а пока ждала, начиталась информации в интернете, что это за зверь и стоит ли его бояться так сильно. Оказалось, что онкомаркеры не дают стопроцентный результат, множество факторов, кроме рака, из-за которых они могут быть повышены, — это, конечно, успокаивало.

Когда настал вечер после рабочего дня, я лежала на диване и досматривала классный турецкий сериал со своими любимыми актёрами и тут на электронную почту в пол-одиннадцатого ночи пришли результаты анализа на онкомаркеры. То, что я была удивлена, это ничего не сказать. Зачем они на ночь пациентам присылают результаты, что утром нельзя было прислать?» — подумалось мне. Выглядело это весь-

ма странно, перед сном самое то, и фильмы ужасов не надо смотреть, адреналин зашкаливал, будто я делаю что-то экстремальное, а не открываю злосчастное письмо с анализами. Открыла, а там красным выделены все цифры, шок пробежал по телу мурашами, естественно я не спала всю ночь и как самый неискушённый пациент искала информацию в интернете, чего вообще не стоит делать таким впечатлительным людям, как я, особенно по ночам.

Утром, как обычно, помчалась на работу, захватив с собой большой пакет для вкусняшек, которые закупала по пути, надо же себя как-то порадовать после почти бессонной ночи. В глазах рябило, в ушах гудело, голова — как чайник.

Но любимая работа всё исправила, и пока я общалась с клиентами, забывала обо всём. А между делом, успевала пообщаться и с коллегами, чайку попить и стихи записать (я пишу стихи и озвучиваю их, выкладывая на своих каналах в интернете).

Честно сказать, ужасно не хотелось делать МРТ с контрастом, потому что я боялась такого «лиха», ненавижу, когда тыкают иголки в вены, да ещё и жидкости вливают. Мои опасения оправдались, хорошо, что на первое МРТ я уговорила пойти со мной мужа, в качестве моральной, а может и физической поддержки, если вдруг от страха буду падать в обморок (хотя никогда такого со мной ещё пока не случалось, надеюсь и не случится) или паниковать (такое со мной часто случается).

Эту необыкновенную процедуру я делала платно, в частной клинике, и рассчитывала на высший профессионализм и комфорт. Сначала меня отправили сдать анализ на креатинин, медбрат, который брал анализ, оказался молодым и культурным, он поздоровался, объяснил что к чему и мигом вставил мне в вену катетер, затем я отправилась к врачу, где и стояла эта супер-МРТ-машина в виде трубы. Врач торопила меня, потому что какой-то клиент опоздал, и она решила вместо него «впихнуть» меня в расписание, я побежала как метеор, забыв о страхе, который минуту назад пробирал до костей. Что сказать, дорогие друзья, это удивительная процедура: сначала одевают очень неудобные наушники, которые уши превращают в два сплющенных пельменя, затем любезно предлагают улечься на узкую-преузкую кушетку с подголовником и отправляют в этот загадочный туннель, а там начинается самое весёлое: в одной руке — катетер с трубочкой, через которую идёт контраст, в другой — груша, на которую нужно нажимать при экстренных случаях, в узком тоннеле раздаются ужасно пронзительные звуки, будто находишься в шахте или на заводе. И как только не гудит этот аппарат: то свистит как миллион павлинов, то скрежещет, как гвозди по стеклу, а потом начинает жарить спину, и тут-то включается вентилятор сверху, для облегчения этих страданий. Ну и как изюминка на торте — периодически появляются стуки и сотрясения аппарата, будто ты действительно на шахте, и кто-то бьёт по стенкам молотками со всех сторон, так продолжа-

ется полчаса. И по сей день, каждый раз после пятнадцати минут катаний в аппарате МРТ я начинаю молиться, чтобы это испытание поскорее закончилось, и всё было хорошо.

Преодолев эту необходимость, нахлынула несказанная радость, потому что буквально через несколько минут мне выдали лист с результатами МРТ, и там было написано, что опухоль доброкачественная, хотя и стоял в конце маленький вопросик и какое-то заковыристое название явления, найденного внутри, меня это ни капли не смутило. «Главное, что написано „доброкачественная“», — радовалась я.

После этого медицинского шквала процедур «женский» врач меня записала к онкологу, для пущей точности диагноза, запись была назначена через две недели, и я спокойно окунулась в работу, дом, быт, дела семейные.

Кто бы мог подумать, что это было только начало… верхушка айсберга в океане жизни.

Глава 2

ОНКОЛОГ-и-Я

Новогодние хлопоты — корпоратив и театральная постановка были позади, всё прошло отлично, жизнь радовала, несмотря на разные житейские мелочи, омрачало моё существование только одно — не прояснившаяся до конца ситуация с «добрячкой» в моём организме.

На работе, рассказав коллегам обо всём, так как язык за зубами у меня не держался, я почувствовала облегчение, будто напряжение немного спало. Некоторые говорят, что о горестях и радостях не надо рассказывать всем подряд, чтобы не жалели и не завидовали, но мне всё-таки необходимо было делиться с кем-то, а точнее со всеми подряд, с психологической точки зрения, это разгружало и не давало впасть в уныние. Кто-то поддерживал добрым словом, кто-то советовал народные средства против болезни, а некоторые рассказывали случаи из жизни своих родственников и знакомых с похожими ситуациями. Ко всем историям и советам я крайне внимательно прислушивалась и накручивала себе разнообразные ситуации, которые могут произойти и со мной, чего вам делать не советую!

Когда настал день посещения онколога, я была уверена,

что всё пройдёт хорошо, и врач, посмотрев результаты обследований, выпишет что-то лечебное и отпустит домой. Мало того, что народу была тьма и пожилых, и молодых, так ещё и онколог Алла Давидовна оказалась совсем не дружелюбной и немногословной, окинув меня мрачным взглядом, она пробежала глазами по результатам МРТ и анализам крови и начала печатать молча неведомые мне назначения. Тем временем, я смотрела в окно кабинета на красивый храм с золотыми куполами, построенный напротив больницы, и старалась думать о чём-то хорошем, а слёзы сами наворачивались на глаза. Тогда Алла Давидовна заметила боковым зрением муки на моём лице и обратилась нежным голосом:

— Так, Мария Александровна, всё будет хорошо, я вас направлю к лучшему хирургу на операцию, не волнуйтесь.

Тут я оторопела и будто земля ушла из-под ног. «Какая операция, зачем, только не это… я боюсь, не хочу», — мысленно возмущалась я.

— У вас опухоль, подлежащая полному удалению. Куда вас направить — в Моники или Высоковск?

Я понятия не имела, где эти больницы находятся, если про Моники — московскую больницу я что-то слышала, то о существовании Высоковской точно не догадывалась. Живу я в Ближнем Подмосковье в микрорайоне города Химки, так что и тот и другой вариант были относительно далеко.

— Не знаю, — полушёпотом пропищала я.

Тогда Алла Давидовна молча напечатала направление и

отдала мне.

— Вот, держите, завтра поедите в Высоковск, на приём к хирургу-онкологу.

Она протянула мне пол- листка с адресом, датой и временем приёма.

— Почему к хирургу-онкологу в онкологическую больницу? — уточнила я дрожащим голосом.

— Потому что есть подозрение на онкологию, — уверенно ответила Алла Давидовна, несмотря на результаты МРТ. — Езжайте, там и решат, куда вас направить дальше.

Я обречённо кинула направление в сумку и пошла прочь из кабинета. Мысли роились в голове, как пчёлы. Как туда доехать, надо посмотреть путь на карте в телефоне, что с собой брать?.. И этим тревожным мыслям не было конца.

Буквально телепортировавшись домой, вся в раздумьях, не заметив, как преодолела дорогу, я вспомнила, что свекровь рассказывала про своё онкологическое заболевание, которое перенесла восемь лет назад, но особо она не вдавалась в подробности, так как тема эта не из приятных, а я и не стала расспрашивать. Естественно, я сразу же позвонила ей и поведала про свои злоключения. Валентина Григорьевна буквально открыла мне глаза на прекрасную онкологическую клинику в Высоковске, где она тоже проходила лечение, и предложила сопроводить на первый приём. От такого предложения грех было отказываться.

Собиралась я в эту больницу, как на казнь, хотя страшный

диагноз тогда ещё не был поставлен, предчувствия оказались не самыми лучшими, ехать в какую-то глухомань, в место, где много онкологических больных, в общем, сами понимаете, с радостью в такое место не ездят.

Свекровь ждала меня в Клину, на станции, пока мы ехали на маршрутке «по горам и долам», Валентина Григорьевна припоминала всякие факты из своей истории — как она проходила этот путь лечения в своё время; она рассказала мне много чего полезного и даже настроила на оптимистический лад своим примером, всё-таки ремиссия длилась уже восемь лет.

Больница выглядела как замок на необитаемом острове, вокруг разрушенные казармы из красного кирпича царских времён и сам по себе антураж этого места похож на декорации к историческому фильму. Но за казармами шли совершенно дикие места — бурьян и кучи засохшей травы — напоминало это пересохший ров вокруг замка. Посреди этих необыкновенных декораций возвышалась онкология Высоковска. Напротив, блестело красивое круглое озеро, про себя я назвала его «озеро надежды», позже мне рассказали, что это «холодное озеро» с милыми уточками, и там произошла одна интересная история, о которой я поведаю вам по ходу дела.

Внутри было всё как обычно: толкучка из пациентов с рюкзаками и пакетами, шум, гам и очереди. На удивление, ждать очень долго не пришлось, нас пригласили в нужную

очередь, и через десять минут я зашла в кабинет врача. Вёл приём молодой мужчина лет тридцати, восточной внешности, с просто потрясающей скоростью общения, он быстро говорил и печатал.

— А что вы сюда пришли? — спросил он. — У вас же не онкология.

Как мне приятно было это слышать, не описать словами. Всё же, пообщавшись по телефону с главврачом, молодой хирург торжественно сообщил, что меня будут оперировать в этой клинике. В тот момент эти слова были для меня как удар молнии, прямо в сердце. Оперировать в онкологии?! Нет, нет, нет! Испытав весь спектр эмоций от страха до отчаяния, я вышла из кабинета с огромным списком анализов и исследований, которые мне необходимо было пройти за две недели. Со слезами на глазах, сев около Валентины Григорьевны, я показала ей молча список. Валентина Григорьевна ахнула, нежно погладила меня по голове и сказала, что тоже всё это проходила и нужно потерпеть. Еле сдерживаясь от рыданий, по пути к вокзалу города Клин, я расспрашивала свекровь про эти процедуры и ещё больше пугалась от её честных рассказов.

Глава 3

Высоковский «Замок»

Следующие две недели я играла в квест «пройди все исследования и останься в живых». Сдать кровь ещё куда не шло, хотя столько колб из меня ещё никогда не выкачивали, но самое страшное — это гастроскопия и колоноскопия под седацией: звучало зловеще, тем более, когда предстоит пройти в первый раз. Как обычно, по традиции, начитавшись до процедур кучу статей и отзывов в интернете, я сходила с ума от страха. Процедура была платной, но к счастью, мой родной старший брат Антон, Антошка, сделал доброе дело и поддержал материально… Потому что пройти предстояло огромное обследование и очень быстро, чтобы успеть до операции.

На исследования я потащила с собой мужа, убедив его, что мне непременно будет плохо и без его поддержки навряд ли дойду до дома. Прежде чем зайти в кабинет, увидела двух врачей — мужчин среднего возраста, и живо представила себе картину, как они «маневрируют» этими трубками. После таких мыслей я «смылась» с места прямо в туалетную комнату и торчала там полчаса, не решавшись выйти и посетить этот «прекрасный» кабинет гастро- и колоноскопии.

Когда решимость всё-таки пришла, я выбежала как ужаленная и, ворвавшись в кабинет, сказала, что готова пройти эти испытания, врачи покосились на меня, но анестезиолог оказался тоже из разряда юмористов и очень хорошо умел пугать своими шутками. Сначала из соседней комнаты вышла бледная женщина, покачиваясь из стороны в сторону, она шла прямо на меня с отсутствующим взглядом, как зомби, я поспешно отошла от двери и увидела суперпрозрачные шортики из клеёнки, в них-то мне и предстояло облачиться. «Хорошо, что буду не голая на процедуре», — подумала я. Врач быстренько описал словами, что и как будет проходить, затем я отправилась на стол для этих манипуляций, холодный, железный операционный стол, и лампы над ним, будто на меня смотрит огромный богомол и хочет сожрать, три года назад я уже лежала на таком столе перед этими жёлтыми, светящимися глазами.

Анестезиолог по своему профессиональному зову всегда шутит — это я уже поняла, делая все процедуры, требующие анестезии. Когда он начал искать, в какую бы вену вставить катетер, он очень напрягся, потому что вены у меня тонкие и глубокие, я, конечно же, тихо орала (это уже мой актёрский, профессиональный навык), зажмуривала глаза и делала разные гримасы. Анестезиолог, увидев это зрелище, пошутил очень правдоподобно, что ему сегодня не везёт с венами у пациентов, и он воткнёт мне катетер в вену на шее, тут я готова была просто сбежать с этого стола и забыть всё,

как страшный сон, но мужчина рассмеялся и нашёл-таки вену на руке. Затем вошёл главный врач, приказал лечь в позу эмбриона и закусить пластмассовый кляп, ощущения весьма необычные, но эта поза почему-то успокаивала меня — память младенца как будто бы пробудилась в тот момент на подсознательном уровне, и я уснула, будто не от наркоза, а просто так, от умиротворения. А когда проснулась, точнее меня разбудили, я прекрасно выспалась, голова немного кружилась, но ничего не болело, и я радостно зашагала в соседнюю комнату, где, уложив на кровать, разрешили немного вздремнуть. Проснувшись буквально через пятнадцать минут, получив бумаги на руки с вполне удовлетворительными результатами, я обрадовалась ещё больше, потому что эти манипуляции со шлангами для исследования желудка и кишечника не настолько мучительны под седацией, как я их себе представляла, в очередной раз сработала поговорка — у страха глаза велики. От такой лёгкости и радости на ресепшене я даже написала благодарности этим врачам. И со спокойной душой ушла домой вместе с мужем и даже забыла, что собиралась падать в обморок.

Пока я ждала поездки на госпитализацию в Высоковске, прошло будто не две недели, а два месяца, столько всего успела: и на работу походить, и любимую театралку провести, и кучу дел дома перелопатить. За делами я старалась не думать о больнице и за день до поездки весело проводила время на работе, общаясь с посетителями и коллегами. А в

последний выходной сложила всё по списку, тут и подступила тревога, подкатил страх комом в горле. Как вы думаете, кто в качестве моральной и физической поддержки поехал со мной? Конечно же любимый муж — Ян. Он стойко и мужественно сидел рядом со мной перед регистратурой в очереди почти два часа. Когда наконец проводил меня с сумкой и пакетом на второй этаж, то отправился домой, напоследок помахав рукой в окошко и подарив воздушный поцелуй. В тот момент на глаза накатились горькие слёзы, и чувство неизвестности и безнадёги, будто меня заперли в тюрьме, а не в больнице.

В палате было светло и просторно, удобные кровати, большие тумбочки и даже телевизор на стене, который, кстати, работал. К тому времени, как я туда зашла, то обнаружила, что занята только одна кровать, там сидела очень милая девушка с рыжими волосами и смотрела что-то на ноутбуке. Мы, конечно же, сразу познакомились и начали общаться. Вера оказалась очень дружелюбной и доброй. За час наша палата заполнилась, и каждый поведал свою историю, которая привела сюда, в эту онкологическую больницу. Конечно же, ничего радужного в этих историях не было, такие диагнозы вызывали у всех ужас и чувство обречённости, и это нормальная реакция на первых порах, в этом нужно разобраться, понять, принять и начать бороться, тогда и позитивный настрой появляется незамедлительно, хотя и он чередуется со слезами, унынием и отчаянием, которые надо гнать прочь

из своих мыслей, потому что психологический настрой имеет очень важное значение на пути к выздоровлению, и это я знаю на своём личном опыте.

Питание в больнице было отличное — здоровое, то, что нужно, но, конечно же, пару йогуртов не помешало бы взять с собой. Когда мы узнали, что оперировать нас будут не завтра и даже не послезавтра, то поняли, что очень хотим есть, и с голоду я и Вера заказали доставку из ближайшего магазина: колбасу, хлеб, шоколадные сырки и, конечно же, шоколад. Поглощение шло весело и бурно: мы как два голодных медведя громко чавкали и хлюпали чаем, запивая вкуснятину. Ну вы сами понимаете, что настроение было прекрасное, будто бы это не больница, а дом отдыха, и мы не больные, а отдыхающие.

Немного расскажу о главврачe, который вызывал каждого и рассказывал, что и как будет проходить. Хирург-онколог Андрей Геннадьевич сидел в кабинете, а вокруг него сидели друге врачи, они работали в команде и делились опытом и мнениями. Лицо у Андрея Геннадьевича было очень доброе. Что операция пройдёт не сразу, я узнала с первой минуты, и никакой злости это у меня не вызвало, как будто этот врач обладал гипнотическим успокоительным голосом и умел тембром и оборотами речи успокаивать пациентов, это было неожиданно и интересно для меня, так как наблюдательность и интерес к необычным чертам характера и внешности людей присущи мне, как истинному актёру и ху-

дожнику с самого детства. Вот такой интересный врач заведовал этим Высоковским замком.

Время шло очень быстро, потому что мы с «девчонками» много общались обо всём, в том числе о поэзии, театре и наших профессиях, одна из моих соседок по палате была репетитором иностранных языков и бегала проводить онлайн уроки в соседнюю пустую палату. Я не упустила момента, чтобы поделиться с соседками своими каналами со стихами и захваченными с собой экземплярами книг со стихами мужа, пишущего под псевдонимом Следокострик, ведь в этом чудесном сборнике были не только его стихи, но и мои иллюстрации, что вдвойне приятно. Гулять нас, к сожалению, не выпускали, и тут я вам расскажу загадочную историю про «холодный пруд», о котором говорила в начале.

Не знаю, вымышленная она или случилась на самом деле. Однажды, когда всех больных выпускали гулять вокруг больницы, чтобы насладиться видами озера с утками, бурьянами в виде рва, аллеями с густыми рощами из старых сосен, то трое прооперированных мужчин, видимо, от необычайного счастья и радости, что операции прошли успешно, решили это отметить на берегу озера, сами понимаете, чем и как. В итоге всё чуть не закончилось печально, так как естественно в такие моменты алкоголь — это табу. Но этих бесшабашных пациентов, конечно же, спасли замечательные врачи, и с тех пор был наложен запрет на гуляние. Конечно, каждый раз, слыша эту историю, все начинали бранить нерадивых мужи-

ков, было очень забавно наблюдать со стороны, как женщины выдают такие комические эмоции — театр сатиры в чистом виде.

Глава 4

Знаки Господни

Несмотря на все впечатления, время тянулось медленно, казалось, будто прошла почти неделя, но на утро третьего дня к нам зашла милая молодая медсестра и сообщила, что есть и пить нельзя, следует одеть всем компрессионные чулки, снять украшения, если таковые имеются, и сложить компактно вещи, которые необходимо взять с собой в оперблок. После такого сообщения все хохотушки и обжорки изменились в лице: глаза округлились, улыбки слетели со щёк и превратились в подковки, а подступающая тревога и волнение затмили блеск глаз.

Мы поспешно начали суетится, каждая что-то складывала, по всей палате раздавались шуршащие звуки пакетов с принадлежностями и вещами.

Самое сложное испытание было впереди, мы ждали молча. А когда послышался зов на завтрак, то пребывание в больнице разделилось на до и после, завтрак был не для нас, и это заставляло дрожать тело всё сильнее.

В одну секунду кресло на колёсиках загремело о порог нашей палаты, и все вздрогнули. «За кем-то пришли», — поняли мы и переглянулись. Добродушная медсестра назвала

фамилию моей рыжеволосой соседки по палате, и та, быстро скинув с себя всё и так же быстро засунув это в пакет, села на каталку, медсестра провела ритуал завёртывания в пелёнку обнажённого тела пациентки и, одев на Веру операционную шапочку, повезла её прочь из палаты, гремя колёсиками передвижного кресла. Мы успели помахать Вере и пожелать ей удачи.

Я знала, что буду следующей, и ждала своей очереди. Как назло, очень хотелось пить. Главврач Титов Андрей Геннадьевич при нашей прошлой встрече объяснил в общих чертах, как будет проходить операция — лапароскопия: то есть через три небольших надреза в области живота извлекут всё ненужное — и все дела, три небольших шва, — и операция недолгая по времени, вроде бы звучало всё оптимистично, но страх не отступал.

В закутке больничного коридора находился небольшой иконостас с иконами и святой литературой, говорили, что батюшка приезжал по пятницам, но я его не успела повстречать, зато к иконам приходила каждый день и молилась, это давало надежду и душевные силы. Когда в очередной раз я подошла к окошку у иконостаса, то попросила у Господа Бога знак, что всё пройдёт хорошо, насколько велика была моя радость, когда маленькая белочка появилась из-за ветки большого дерева и долго перепрыгивала с одной на другую размашистую старую ветвь. Я плакала, молилась и улыбалась, благодаря Бога за такой прекрасный знак.

В операционной стеснение полной обнажённости пропадало, всё-таки были ещё чулки. В середине стоял тот самый железный стол с подлокотниками и ремешками, которыми пристёгивали руки оперируемому, а вокруг много аппаратов с трубками, экранами и разными ёмкостями, лампа-богомол парила над операционным столом с тёмными глазницами.

Анестезиолог и медсестра создавали антураж оптимистичного общения вокруг меня, о чём-то спрашивали и даже улыбались, пока устанавливали катетеры и присоединяли нужные аппараты. Когда на лице оказалась прозрачная маска, то я рассказывала анестезиологу про свою профессию, но рот внезапно перестал слушаться, и губы не шевелились, я упорно пыталась договорить, потом один глаз стал буквально закрываться, сам по себе, и сколько бы я не пыталась открыть — не открывался, тогда я сдалась, решив, что дорасскажу потом свою историю, перестала бороться с накатившим сном и, закрыв оставшийся открытым глаз, уснула — наркоз подействовал.

Очнувшись, первое, что я увидела, это белая палата; из-за шторок светит солнышко, но дышать было невозможно, тогда, потянув руку к горлу, резко пришло осознание, что руки пристёгнуты, в горле что-то торчит, и хочется от этого избавиться поскорее. Я стала издавать вопли и дёргаться, тогда из-за ширмы напротив выглянула чья-то голова с удивлённой гримасой, я испугалась ещё больше. Мою маленькую истерику заметил анестезиолог, подошёл и, тихо произнеся

«выдох», вынул из ноздри длинный шланг, а затем и трубку из горла. Ощущения были непередаваемые, воздух заполнил лёгкие, и ком из горла вылетел сам по себе. Сосед за ширмой что-то бубнил, видимо, вспоминал, как сам накануне испытал нечто подобное. Это была реанимация.

— Скоро у тебя ещё одна операция, — крякнул кто-то, я поняла, что это было сказано мне.

Глава 5

Новый поворот

Из реанимации в палату меня перевезли через полчаса, светлые стены, просторная кровать, свежий воздух — тянуло в сон, но тут, нащупав что-то торчащее из живота, отодвинув простыню, я увидела трубку, торчащую сбоку, перевязанную резиновой перчаткой, в которой плескалась жидкость, похожая на кровь, сон превратился в панику.

— А-а-а-а, что это?! — полушёпотом вскрикнула я, потому что голос после трубки в горле ещё не вернулся.

Женщина, которая лежала напротив, перекатилась с одного бока на другой, я заметила у неё такую же трубку, только из области груди. Она медленно встала и шамкающим голосом начала объяснять, что это дренажная трубка, и она есть у всех на этом этаже, после операции через неё вытекает лишняя лимфа.

Через пару часов палата была заполнена, и я познакомилась со своими соседками, ими оказались две пожилых женщины с раком груди и одна женщина среднего возраста с подкожной опухолью в области живота.

Все мы ждали обхода врача, чтобы услышать дальнейшие прогнозы. Но, как ни странно, женщины оказались крайне

позитивными и весёлыми, мы читали сборник стихов, который я захватила с собой, и рассказывали друг другу анекдоты, смеяться было больно из-за швов, но приходилось как-то справляться с нашим буйным юмором и задорным настроением.

Первая ночь оказалась очень тяжёлой, трубка с дренажем кровила, и соседка по палате Ирина не спала вместе со мной, постоянно бегала за медсестрой, за что я ей очень благодарна и по сей день, отзывчивые люди, готовые помочь в любой момент, дороже золота. Живот болел приступами, спать было невозможно. На следующий день врач вынул трубку, и я вздохнула с облегчением.

Сказать, что я попала в другой мир — ничего не сказать, иные, пугающие ощущения себя, всего вокруг, в стенах этой больницы я как рыба, которую из океана переместили в аквариум, воздуха не хватало, ходить было тяжело, и аппетита совсем не было. Но, присмотревшись, стало ясно, что здесь практически все испытывают то же самое, поэтому выход был один — ходить на все процедуры, соблюдать режим и радоваться жизни, какая она есть в данный момент.

На обходе я узнала от врача, что при операции взяли только биопсию, то есть частички опухоли и других тканей, чтобы определить, точно рак это или нет, так как от этого зависит ход операции и дальнейшего лечения. Доктор Титов говорил очень просто, будто это мелочи жизни и ничего страшного не предвидится, такова была его тактика, это действи-

тельно настраивало на нужный лад пациентов.

— Да и вырежем вам всё сразу при следующей операции, через две недельки, — убедительно сказал Титов и пошёл к следующей пациентке.

Его настрой действовал как гипноз, и я подумала: «Да и пусть вырезает, так даже лучше, а то мало ли что…» Единственное, что меня вводило в отчаяние — предстоящая операция такая долгая и с огромным швом от грудины до низа живота, это очень и очень пугало. Когда врач проконсультировал всех пациентов и вышел из палаты, меня накрыла лавина слёз, рыдания рвались как дикие кошки из клетки, раздирая нервы соседок по палате.

— У меня были планы, — причитала я сквозь слёзы, — я хочу на работу, день рождения на носу, годовщина свадьбы, а ещё театралка, а как же мои дети (у меня две дочки-подростки).

Соседки по палате успокаивали меня как могли и гладили, как маленькую девочку, и даже чай принесли, я понимала, что здесь всем не очень радостно находиться, но успокоиться не могла. Тут в палату заскочила Вера, она нашла меня на этаже, и мы разговорились о том, о сём, она рассказала, как прошла операция, и пригласила к себе в палату, наше общение с рыжеволосой Верой продолжилось до самой её выписки — мы даже обменялись контактами.

С этого момента на мой канал в интернете потекло вдохновение — трагические стихи, полные страданий и отчаяния

с промельками надежды заполоняли ленту. Все «девочки» из палаты подписались и, читая, плакали по вечерам, узнала я это, когда заметила как-то раз, перед сном, слёзы на глазах у подруг по несчастью.

— Что с вами? Почему вы плачете, вам больно или просто грустно?

— Да вот, стихи твои читаем, — отвечали они.

Тогда я вдохновлялась ещё больше и, забившись после вечернего ужина в укромный уголок больничного коридора, плакала и писала стихи, выплёскивая все свои страдания на ленту канала:

Апрельский ветерок навеял грусть,
И солнце светит там, за стенами больницы,
Ах, звонче пойте, пойте птицы,
Чтоб трепетала от весны душа!
Но нет лекарства от такого лиха,
Пред неизбежным, щемит сердце страх.
Надежда теплится, как
огонёк в глазах,
Наполненных слезами меж ресниц.
Весна за окнами, пора тепла и красоты.
Бежать бы в новом платье на работу.
Заботиться о муже и о детях,
И песни петь о новом, светлом, лете!
Мечтать об отдыхе,

И строить планы…
Но эти раны… раны…
Им заживать, их не бояться, всё принять.
Жить дальше. Петь. Любить. Дышать.

Апатия пришла слезам на смену,
В пучину тьмы затягивает жизнь,
Вчера всё было радостно и ясно,
Сегодня сердце мечется в груди.
Теперь апатия, и снова слёзы.
И психотерапия не нужна,
Остались в прошлом дне
Все грёзы — мимозы ветка,
Звёзды в вышине…
И кто-то так отчаянно и робко
Прошепчет: «Да-а-а… Бывает же кошмар! Держись…»
А кто-то скажет в трубку бодро:
«Всё будет хорошо, ведь это жизнь…»
Апатия как зыбкая граница,
За гранью нет предела, нет конца
Всё кажется во сне — я будто птица
В больничной клетке, ранена, больна.

Предстояла первая обработка шва в процедурном кабинете, было очень страшно, конечно, никто не кричал за дверью, но женщины и мужчины выходили с перекошенными

лицами и медленно брели по коридору, поддерживая больные места. Еле волоча за собой ноги, они что-то причитали бледными губами. Я встала в очередь последняя, мурашки бегали по всему телу, адреналин пронизывал каждую клеточку, как на экстремальном аттракционе. Войдя в кабинет, медсестра кивнула на свободную кушетку, и я как старая развалина еле-еле взобралась на неё. А дальше произошло всё буквально за несколько секунд, медсестра мигом сдёрнула липкие бинты со швов и обрызгала швы антисептиком, потом залепила новыми бинтами. Я не успела и ахнуть, стоило ли так бояться обработки, тем более швы были небольшие. Поблагодарив, я вышла с улыбкой, жаль, что была последней в очереди, и никто не видел эту самую улыбку, возможно кому-нибудь она бы помогла отбросить страх перед дверью процедурного кабинета.

Бояться всего и быть мнительным для больного человека — это нормально, но всё же настрой на лучшее меняет восприятие ситуации, насколько бы она не была сложной, и всё, казалось бы, «страшное» переносится легче и проще — этот вывод я сделала после первой операции и обработки, которые перенесла в онкологической больнице Высоковска. Можно читать книги, общаться с соседками по палате, писать стихи, вязать, рисовать, просто слушать любимую музыку — всё это благотворно действует на эмоциональное состояние человека, а значит, помогает пережить трудный период в жизни.

Дни медленно текли за днями, с соседками по палате мы много шутили, ходили вместе в столовую и смотрели по вечерам телевизор. Та самая пожилая женщина с шамкающим произношением, которая в первый день в палате объясняла мне, зачем из живота торчит дренажная трубка, очень любила смотреть телевизор, она готова была пересмотреть весь калейдоскоп передач и фильмов на любом канале, днём мы как-то выносили это, но ночью хотелось спать. Однажды эта женщина, разговорившись о различных географических местонахождениях, не могла уняться и бодро полночи рассказывала и выспрашивала, знаем ли мы тот посёлок, да этот переулок; Ирина — другая соседка по палате — грозно приструнила болтушку, сказав, что можно и помолчать ночью, та разобиделась и пообещала не разговаривать больше вообще. А на утро мы как ни в чём не бывало все вместе пошли пить чай с тортом, который привезла нашей ночной рассказчице старшая дочь. Застолье длилось целый день, кроме завтрака, обеда и ужина, у нас получилось три полдника: салат мимоза, бутерброд с рыбкой и торт дивно шли под смешные шутки. Толерантный персонал, который был занят другими, более важными делами, чем следить за передвижениями «весёлых» пациенток, не обращал на это никакого внимания, нам же на радость, тем более что ничего противозаконного мы и не делали, подумаешь, пара бутербродов и смешная шутка — чем веселее, тем здоровее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.